

**НОВОСИБИРСКИЙ АКАДЕМГОРОДОК
В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА:
ДЕЛО «ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ» (1979 ГОД)**

Работа посвящена значимому эпизоду общественно-политической жизни новосибирского Академгородка конца 1970-х – начала 1980-х гг. Рассматриваются события, последовавшие за появлением записки, которая была направлена в партийные инстанции группой сторонников идей Н. К. Рериха. Прослеживается реакция на эту инициативу со стороны научного сообщества и различных официальных инстанций.

Ключевые слова: новосибирский Академгородок, Н. К. Рерих, «живая этика», «инициативная группа», партийные органы.

История Сибирского отделения РАН, новосибирского научного центра, Академгородка в настоящее время вызывает растущий научный и общественный интерес. Активизация внимания к истории этого крупнейшего научного центра обусловлена прежде всего его приоритетной ролью не только в развитии отечественной науки, но также в социально-культурной жизни региона и всей страны. Очевидно, что в современном мире, в условиях становления постиндустриального, информационного общества перспективы возрождения России определяются прежде всего ее научно-образовательным потенциалом. В данном контексте интеллектуальные ресурсы Сибири, преобладающую часть которых концентрирует академическая наука, являются фактором общероссийского и даже глобального значения.

Характеризуя современную историографическую ситуацию, следует подчеркнуть, что новосибирский Академгородок как целостный социально-исторический феномен до сих пор не получил должного отражения в исторических исследованиях. Вплоть до сегодняшнего дня единственной обобщающей работой по его истории остается книга американского автора Пола Джозефсона «Новая Атлантида возвращается» [Josepson,

1997]. Однако поскольку данная работа не переведена на русский язык, она лишь в небольшой степени введена в научный оборот. Что касается отечественной историографии, то интересующая нас тематика фрагментарно затрагивается преимущественно в ряде работ по истории СО АН СССР / РАН, из которых в особенности следует выделить монографии Е. Т. Артемова [1990], Е. Г. Водичева [1994] и Н. А. Куперштох [1999]. Наиболее же фундаментальный труд по истории СО АН / РАН был опубликован к 50-летию его создания, однако в этой содержательной книге рождение и развитие Академгородка не является предметом специального внимания и освещается в основном лишь в первой главе (см.: [Российская академия наук..., 2007. С. 117–172].

Еще в меньшей степени в имеющихся публикациях исследована социально-политическая история новосибирского научного центра. Академгородок как определенная система социальных и властных отношений – эта тема, безусловно, заслуживает фундаментального исторического изучения (см. об этом, например: [Городок. Ru, 2003; Дорошенко и др., 2002]), но в настоящее время в данном направлении сделаны лишь первые шаги. Так, в качестве одной из первых работ, содержащих значительный мате-

риал об общественно-политической истории Академгородка, можно назвать книгу профессора НГУ А. Г. Борзенкова [2002].

Значительные возможности для исследования социально-политической истории Академгородка дает изучение ряда сложных, «нештатных» ситуаций 1960–1970-х гг. (скажем, событий 1968 г., связанных с фестивалем «бардов» и «письмом 46-ти»). Будучи определенными значимыми вехами в истории общественной жизни, подобного рода ситуации идеологического конфликта вместе с тем рельефно обнажали «структуры повседневности». Их изучение позволяет рельефно проследить особенности властных отношений, взаимоотношения академической и партийной иерархии, особенности менталитета научного сообщества и т. д.

С учетом этих ориентиров в качестве предмета данной статьи избраны события, развернувшиеся в новосибирском Академгородке на рубеже 70–80 гг. прошлого столетия. Поводом для них стало появление оригинального документа – «Записки о проблеме создания культурно-научного центра в развитие идей Н. К. и Е. И. Рерих». Она была направлена в начале 1979 г. в обком КПСС и другие партийные инстанции группой новосибирских энтузиастов «Живой этики» (учения Н. К. Рериха). Документ подписали А. Н. Дмитриев – в то время зав. лабораторией Института геологии и геофизики СО АН СССР, канд. физ.-мат. наук; И. А. Калинин – инженер-наладчик Строительно-монтажного управления (СМУ) № 70, Ю. М. Ключников – редактор Сибирского отделения издательства «Наука», П. П. Лабецкий – художник Института истории, филологии и философии СО АН, Ю. Г. Марченко – мл. науч. сотр. того же института, канд. ист. наук, В. И. Новожилова – инженер Института теплофизики СО АН (должностной статус указывается на момент рассматриваемых событий). В ряде секретных официальных документов того времени этих «подписантов» именовали «инициативной группой», что и нашло отражение в названии данной статьи.

Названная «Записка» имела немалый общественный резонанс: действия «подписантов» вызвали соответствующую реакцию официальных органов, неоднократно обсуждались на различных собраниях и заседаниях. Несмотря на это, в отличие, скажем, от событий 1968 г. в новосибирском Ака-

демгородке, рассматриваемый эпизод долгое время не находил отражения в исторической литературе. Текст рассматриваемой «Записки» впервые был опубликован в книге о строительстве музея Н. К. Рериха в с. Уймон Алтайского края [Аникина, 2002. С. 189–206]. В предисловии к указанной работе автор настоящей статьи попытался дать историческую оценку данного события. В дальнейшем нами же была осуществлена публикация комплекса документов, связанных с «Запиской» 1979 г. [Кузнецов, 2003; 2006]. Однако помимо введения в научный оборот соответствующих источников, необходима их многосторонняя интерпретация в широком историческом контексте, что и является задачей данной статьи.

Источниковая база исследования включает преимущественно документы официального делопроизводства: материалы партийных бюро и партийных собраний соответствующих учреждений, документы Советского райкома и Новосибирского горкома КПСС. При этом автор вполне осознает, что он не располагает полным комплексом источников по рассматриваемой теме, в том числе и рядом из тех, которые упоминаются в доступных материалах. Часть из них, например ряд информационных материалов Советского райкома КПСС, Новосибирского горкома и обкома КПСС, до сих пор не обнаружены нами в соответствующих фондах. Возможно, они в свое время были изъяты «заинтересованными лицами». Наиболее яркий пример – сам текст неоднократно упоминавшейся «Записки», в отношении которой в целом ряде источников говорится, что она была направлена в соответствующие партийные инстанции. Тем не менее в материалах партийного делопроизводства этот документ нами пока не обнаружен и при его первичной публикации пришлось использовать текст из личного архива одного из участников событий.

Из числа же документов, наличие которых в архивах зафиксировано, часть материалов также, к сожалению, не доступна исследователям. Речь, в частности, идет о решениях бюро Советского райкома КПСС по «персональным делам» Ю. М. Ключникова и Ю. Г. Марченко. В соответствии с распространенной в последнее время практикой, они подвергнуты так называемому «конвертированию». Последнее, как известно, применяется к материалам многих

«персональных дел», появившихся в связи с рассмотрением в соответствующих партийных инстанциях тех или иных проступков членов КПСС. Официально это мотивируется необходимостью «защиты чести и достоинства» соответствующих лиц. Абсурдность такого рода ограничений на пользование архивными материалами очевидна, в частности, потому, что комиссии, осуществляющие «конвертирование», не могут принимать достаточно обоснованные решения по этому поводу ввиду огромного объема такого рода дел и недостаточной компетентности соответствующих архивных работников. Было бы логично либо вообще закрыть все «персональные дела», либо передать вопрос о доступе к ним на усмотрение историков-исследователей.

Алогичность существующей ситуации подтверждается тем, что наряду с закрытостью большого числа «персональных дел», вместе с тем многие из них являются открытыми. С другой стороны, «конвертирование» можно еще в какой-то мере признать обоснованным, когда речь идет о разборе разного рода неблагоприятных поступков (пьянство, адюльтер, преступления). В случаях же, подобных рассматриваемому, членам КПСС предъявлялись обвинения политико-идеологического характера, что, пожалуй, только украшает соответствующих участников событий...

Кроме того, в фондах Государственного архива Новосибирской области, содержащих эти материалы, имеются необъяснимые лакуны. Так, в фонде партийной организации Сибирского отделения издательства «Наука» (Ф. П-1424) отсутствует протокол партийного собрания от 21 августа 1980 г. – один из ключевых документов по «делу» Ю. М. Ключникова.

Нельзя не учитывать и того, что публикуемый документальный комплекс далеко непропорционально отражает различные аспекты рассматриваемых событий, в том числе и в отношении отдельных персоналий: наиболее обширный блок составляют в нем материалы, отражающие действия партийных инстанций различного уровня в отношении членов КПСС Ю. Г. Марченко и особенно Ю. М. Ключникова. Что же касается фактического лидера группы авторов «Записки», А. Н. Дмитриева, то разбору его действий посвящено существенно меньшее

количество документов, так как он не состоял в партии.

Поскольку имеющиеся в нашем распоряжении документы партийного делопроизводства отражают, разумеется, лишь внешнюю, официальную сторону рассматриваемых событий, для их адекватной реконструкции привлекались также опубликованные и устные свидетельства современников. С одной стороны, это суждения авторов «Записки», сформулированные в их публикациях и устных интервью. С другой стороны – наблюдения ряда участников событий, волей судеб оказавшихся тогда «по другую сторону баррикады».

Обращаясь к конкретному анализу событий рубежа 1970–1980 гг., следует прежде всего подчеркнуть, что названная «Записка» стала единственным в тот момент проявлением инакомыслия подобного рода в новосибирском Академгородке. В сущности, после известного «письма 46-ти» ничего подобного здесь не отмечалось. К этому можно добавить, что если названное письмо представляло собой небольшой текст с вполне конкретными и весьма частными требованиями, то «Записка» являлась обширным текстом с изложением определенного мировоззрения. В связи с этим необходимо напомнить, что в конце брежневского периода общественно-политическая и идеологическая жизнь нашей страны характеризовалась «застойными тенденциями», носила преимущественно формализованный и официозный характер.

«Диссидентское» движение к этому времени было практически сведено на нет. При этом следует иметь в виду, что и в период его апогея в конце 1960-х – начале 1970-х гг. идейный потенциал «диссидентства», как известно, не отличался большой содержательностью. В сущности, он сводился преимущественно к негативизму по отношению к существующему порядку (в диапазоне от умеренной критики в духе «социализма с человеческим лицом» до крайнего антикоммунизма) без какой-либо ясной альтернативы. К концу же «застойного периода» какие-либо заметные проявления неконформизма, свободомыслия в целом были весьма редкими. Все это в полной мере относилось и к новосибирскому Академгородку, общественный облик которого к этому времени весьма заметно изменился в сравнении с пе-

риодом максимальной политической активности научной интеллигенции, пик которой пришелся на 1968 г.

В этом контексте можно сказать, что инициатива новосибирских энтузиастов «Живой этики» стала своего рода уникальным эпизодом общественно-политической жизни конца 1970-х гг. – не только на региональном, но и на российском уровне.

Что касается содержания «Записки», то в полной мере оценить его весьма сложно, поскольку автор не считает себя достаточно компетентным в идеях Н. К. Рериха. Можно высказать по этому поводу лишь некоторые общие соображения. Первое, что бросается в глаза при знакомстве с рассматриваемым произведением, – то, что его содержание далеко выходило за рамки названия. В сущности, это был своего рода манифест, где анализировались фундаментальные процессы в стране и в мире, выдвигались соответствующие задачи.

Второе, что обращает на себя внимание – позитивное отношение авторов «Записки» к существующему общественному строю, к самой идее социализма. Они не только не были противниками этой системы, но, напротив, выступали с позиций ее защиты, последовательно выражая свою приверженность «идеям Ленина». Разумеется, данный содержательный аспект рассматриваемого текста в настоящее время может восприниматься неоднозначно. Правомерно предположить, что в названном произведении была сформулирована определенная реформистская альтернатива, своего рода проект внутреннего обновления системы на базе своеобразного синтеза «идей Ленина» и «Живой этики».

Не беремся судить, насколько реальными были высказанные авторами предложения о путях изменения к лучшему. Что является бесспорным – их большая озабоченность положением дел в стране, нарастающими негативными процессами и опасностями. Речь идет прежде всего об ухудшении экологической и в особенности духовно-идеологической ситуации в стране, – последнее связывалось авторами «Записки» прежде всего с активизацией «психологической войны» против нашей страны.

В настоящее время, после того как с такой видимой легкостью рухнули КПСС и СССР, высказанные в рассматриваемом документе опасения представляются более чем

обоснованными. Ведь очевидно, что саморазрушение системы стало результатом в первую очередь того идеологического и психологического распада, который, помимо внутренних факторов, возможно, в той или иной мере инициировался определенными внешними силами¹. Можно сказать, что в произведении новосибирских «рериховцев» прозвучал сигнал тревоги, своего рода удар набатного колокола, и произошло это накануне «великих потрясений», буквально за несколько лет до гибели советской державы...

Весьма показательна реакция на эту инициативу со стороны научного сообщества официальных инстанций разного уровня. Известно, что после появления «Записки» в Академгородке прошла серия различных разбирательств, где основные авторы «Записки» подверглись тем или иным санкциям. При этом, оценивая содержание соответствующих документов, видимо, неправомерно воспринимать их в однозначно политизированном контексте. Не исключено, что соответствующие инстанции в силу тех или иных ведомственных и личных интересов целенаправленно утрировали политико-идеологический аспект событий. С другой стороны, возможно, острота разбирательств не в последнюю очередь определялась не столько идейными разногласиями, сколько научными или межличностными конфликтами в тех или иных коллективах и сообществах, в том числе и в самом рериховском движении. В силу целого комплекса причин рассматриваемые события приобрели преобладающую политико-идеологическую окраску, хотя, быть может, идеологический момент здесь в основе своей и не был определяющим.

При этом, разумеется, следует иметь в виду относительность граней между политическими и иными аспектами событий в условиях существовавшей в тот период в

¹ В связи с этим можно отметить, что в июне 1991 г. на закрытом заседании Верховного Совета СССР председатель КГБ В. А. Крючков зачитал доклад Ю. В. Андропова, который им был сделан в 1977 г. членам Политбюро ЦК КПСС. В нем, в частности, утверждалось, что в стране действуют «агенты влияния», которые разрушают наш общественный и государственный строй. И далее В. А. Крючков от себя добавил, что эти агенты влияния уже привели нашу страну на грань полного развала (см.: [Варенников, 2006]).

нашей стране общественной системы. В частности, хорошо известно, как на определенных этапах нашей истории те или иные научные разногласия, корпоративные или межличностные конфликты в среде ученых порой переводились в плоскость идеологического противостояния вплоть до репрессий по отношению к инакомыслящим. При этом речь идет не только об относительно далеких временах гонений на генетику и кибернетику...

Не в последнюю очередь это касалось и экологических проблем, которым столь значительное место отводилось в «Записке». Повествуя об истории борьбы против проекта «поворота сибирских рек» во второй половине 1980-х гг., лидер экологического движения академик А. Л. Яншин отмечал: «Мы понимали, что борьба наша за идеи правильной, разумной, научной экологии – это политическая борьба. Споры и дискуссии были остры и напряженны. Лет двадцать назад о таких спорах не могло быть и речи. Если тогда А. Сияевского могли осудить только за то, что он в Париже опубликовал свою книгу, то нам, мешающим “работать” министерствам, и подавно бы недоброхать. Но теперь реальность стала совершенно иной» [Яншин, Мелуа, 1991. С. 6–27].

В приведенном мемуарном свидетельстве речь идет уже о временах горбачевской «перестройки». В предшествующий же период картина, согласно тому же авторитетному свидетельству, выглядела следующим образом: «Нам памятливы “аргументы”, использовавшиеся в те годы против защитников природы: шпионаж, пособничество империализму. Научная дискуссия вокруг экологически важного проекта превращалась в политические нападки на ученых, противостоять которым в административно-командной системе было трудно» [Там же. С. 32].

По этому поводу один из соратников А. Л. Яншина академик Б. С. Соколов вспоминал, что Александру Леонидовичу «уже с Сибири пришлось вступить в резкое столкновение с государственным аппаратом и мощными правительственными ведомствами в защиту окружающей среды и природных ресурсов, отношение которых с бездумной расточительностью стало приобретать черты почти колониальной политики. Выдающееся сопротивление этому натиску оказало

Сибирское отделение во главе с академиком А. А. Трофимуком и его единомышленниками, среди которых, естественно, оказался и А. Л. Яншин» [Академик Александр Леонидович Яншин..., 2005. С. 17].

Возвращаясь к анализу хода событий, документов, нельзя не обратить внимание, что помимо обвинений идеологического порядка «подписантам» предъявлялись претензии этического порядка, отмечались погрешности в их личной жизни, трудовой дисциплине и т. д. Следует иметь в виду, что такого рода обвинения также являлись стандартным приемом дискредитации противников либо в политико-идеологическом контексте, либо в ходе персональной или межгрупповой борьбы за власть².

При анализе действий различных инстанций в рассматриваемой ситуации кроме основного, политико-идеологического контекста, необходимо учитывать и воздействие некоторых более конкретных и специфических факторов. Не исключено, что, помимо прочего, болезненная реакция соответствующих структур на инициативу последователей Н. К. Рериха определялась сложностью международной обстановки, опасениями по поводу «идеологических диверсий». Свидетельством возможного влияния этих мотивов может служить справка, направленная 20 июня 1978 г. Советским райкомом в обком и горком КПСС. Этот документ со стандартным грифом «совершенно секретно» информировал о работе райкома по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему повышению политической бдительности советских людей» (1977 г.). В нем, в частности, указывалось, что после выхода указанного документа данный вопрос был обсужден на заседании бюро райкома КПСС, после чего приняли план соответствующих мероприя-

² Характерные примеры такого рода дает история Сибирского отделения Академии наук. Напомним, в частности, что устранение одного из «отцов-основателей» СО АН академика С. А. Христиановича с поста заместителя председателя Президиума СО АН СССР (май 1961 г.) было подготовлено при помощи стандартного механизма «персонального дела». После того как бюро Советского райкома КПСС объявило ему строгий выговор с занесением в учетную карточку за «аморальное поведение», было сочтено недопустимым избрание этого выдающегося деятеля отечественной науки в новый состав бюро Президиума СО АН (см. об этом, например: [Куперштох, 2004. С. 180–181]).

тий. В справке в том числе сообщалось, что в данной связи «в ряде институтов СО АН проводились заседания ученых советов, на которых рассматривались и утверждались меры по повышению политической бдительности». Отмечалось также, что «разработана тематика лекций и бесед по пропаганде советского образа жизни, постоянной защите завоеваний Октября, непримиримости к буржуазной идеологии», при этом «в первую очередь учтены те коллективы, где имели место проявления политической беспечности, нарушения режима секретности»³.

Как следует из имеющихся документов, важнейшим обвинением в адрес А. Н. Дмитриева и его единомышленников было утверждение о «религиозном» характере их взглядов, о создании ими некоей «секты». В связи с этим необходимо отметить, что в рассматриваемые годы религиозная активность – несмотря на определенное смягчение позиции властей в этом вопросе в сравнении с хрущевским периодом – по-прежнему вызывала подозрительное отношение. Как и раньше, культивировалась идеология «воинствующего атеизма», свидетельством чего стало, к примеру, появление несколько позднее секретного постановления ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания» (22 сентября 1981 г.).

В этом контексте обвинения в создании «секты» звучали далеко не безобидно, поскольку в тот период деятельность религиозных энтузиастов заканчивалась порой весьма печально. К примеру, можно вспомнить, что незадолго до рассматриваемых событий (в 1974 г.) в Улан-Удэ был арестован за создание буддистского кружка известный буддолог Б. Д. Дандарон, который так и не увидел больше свободы (умер в тюрьме)⁴.

Возвращаясь к «делу Дмитриева», следует отметить, что основное разбирательство по этому вопросу состоялось на заседании партийного бюро Института геологии и

геофизики СО АН 28 февраля 1979 г. Выступивший на нем секретарь партийного бюро А. А. Оболенский (в то время канд., затем – д-р геол.-минерал. наук) сообщил, что деятельность Дмитриева начала рассматриваться после того, как в ноябре 1978 г. в ходе бракоразводного процесса одного из сотрудников лаборатории № 151 выяснилось, что Дмитриев «создал какую-то группу, типа секты, которая собирается на квартире Дмитриева на какие-то семинарские занятия, которые проходят в основном в ночное время».

Для «выяснения характера деятельности этой группы» была создана специальная комиссия под председательством одного из ветеранов института д-ра геол.-минерал. наук В. В. Вышемирского (в настоящее время уже ушедшего из жизни). Это был участник войны, как большинство представителей этого поколения – человек весьма определенных убеждений, что помимо общезначимых факторов, видимо, предопределило результаты данного «расследования». Добавим, что в предшествующие годы, а затем и через некоторое время после рассматриваемых событий В. В. Вышемирский и А. Н. Дмитриев неоднократно выступали в качестве соавторов в научных публикациях по проблемам нефтяной геологии.

Согласно информации секретаря партбюро, комиссия установила, что план научно-производственной работы лаборатории успешно выполнялся, в ней хорошо работал научный семинар, но о деятельности названной «группы» комиссия не смогла выяснить суть дела до конца из-за того, что «Дмитриев отказался что-либо рассказать, мотивируя свой отказ тем, что “группа якобы занимается секретными научными исследованиями особой важности”». По словам А. А. Оболенского, «представитель из районного Управления КГБ подтвердил наличие таких работ и не советовал привлекать внимание к этому вопросу».

Далее докладчик информировал, что в это же время в обком КПСС и редакцию газеты «Правда» поступило письмо от тестя упоминавшегося разведенного сотрудника лаборатории, в котором отмечались аналогичные факты: «Дмитриев организовал какую-то полурелигиозную группу, которая собирается на его квартире и часто в ночное время. В этой группе большинство разведенных, а сам Дмитриев имеет две жены.

³ ГАНО. Ф. П-269. Оп. 16. Д. 16. Л. 39.

⁴ О Б. Д. Дандароне см., например: [Историческая... 2009. С. 459–460; Люди и судьбы..., 2003. С. 140–141]. Версия о его судьбе после ареста содержится в книге: [Беляев, 2002, С. 11, 51, 55, 238, 240–241]. Здесь приводятся также некоторые общие данные о политике властей, КГБ в отношении религиозных организаций, в том числе, сторонников восточных учений.

Дальнейшее рассмотрение этого вопроса партийным бюро и дирекцией института выявило группу, в которую вошли не только сотрудники лаборатории № 151 института, но и сотрудники других организаций Сибирского отделения и города. Идеологическая сущность группы была оформлена в Записке “О культурно-научном центре им. Рерихов”, содержащей пропаганду немарксистской идеалистической философии»⁵.

В ходе последующего обсуждения все члены партийного бюро осудили действия руководителя лаборатории № 151. Тон обсуждения задали директор института акад. А. А. Трофимук. Он, в частности, отмечал: «Во всех предыдущих беседах мы убеждали и разъясняли Дмитриеву ошибочность его позиций, предлагали ему отказаться от идеалистической деятельности, наладить семейные отношения, прекратить порочную практику нарушения субординации и обращения сразу в вышестоящие инстанции через голову дирекции, местных партийных и государственных органов. В настоящее время наши претензии и предложения такие же. Ошибаться свойственно каждому, но выходить из игры надо без оговорок. Вы пытаетесь оставить себе лазейку для продолжения деятельности своей группы. В действительности всю эту деятельность надо прекратить»⁶.

Прозвучавшие затем выступления членов партийного бюро продолжили эту негативную линию, в основном варьируя те же обвинения. При этом большинство участников заседания предлагали принять в отношении заведующего лабораторией № 151 «не только моральные, но и административные меры»⁷.

Говоря об атмосфере рассматриваемого заседания, – как она реконструируется по документам, – следует сказать еще несколько слов о менталитете его участников. Об одном из них, В. В. Вышемирском, мы уже говорили. Большинство других были в чем-то схожи: как правило, это были известные ученые, представители поколения, сполна испытавшего бедствия военных и первых послевоенных лет, что, вероятно, оказало

определяющее воздействие на их мировоззрение.

Обращает внимание, что из всех участников обсуждения некоторую снисходительность к «заблудшим» проявил лишь один член партбюро – канд. геол.-минерал. наук В. Д. Карбышев. Видимо, здесь сказались определенная разница в менталитете поколений – это представитель «шестидесятников», комсомольский активист юного Академгородка (в конце 1960-х гг. – один из секретарей райкома ВЛКСМ). В связи с этим следует отметить, что в то время А. Н. Дмитриев также активно работал в комсомоле, а организация эта представляла тогда общественный авангард в Академгородке да и в целом в стране.

На фоне преобладавших резко негативных высказываний участников отмеченного заседания в известной мере примирительно прозвучало заключительное выступление А. А. Трофимука: «Дмитриев злоупотреблял своими служебными обязанностями и вовлек в кружок сотрудников своей лаборатории <...> не последовал нашим советам и не отрегулировал свои семейные дела. Теперь важно, чтобы он осознал свои ошибки, честно их признал, прекратил свою идеалистическую деятельность и работу группы. Мы желаем, чтобы Дмитриев искренне и честно признал свои ошибки, чтобы вся эта деятельность была прекращена»⁸.

По итогам рассматриваемого обсуждения было принято решение партийного бюро, где отмечалось, что руководитель лаборатории № 151 организовал группу «Живой этики», которая имела идеалистическую идеологическую направленность, занималась в основном изучением философского наследия Н. К. и Е. И. Рерихов, провозгласив эту систему взглядов своим философским мировоззрением; вовлек в эту группу сотрудников возглавляемой им лаборатории, злоупотребив тем самым своим служебным положением, проводил нерегламентированные планами научно-исследовательских работ эксперименты по парапсихологии и биоволновым измерениям. Далее отмечалось, что «членами группы была составлена записка “О проблеме создания культурно-научного центра в развитие идей Н. К. и Е. И. Рерих”, в которой авторы, прикрываясь именем Рерихов, сформулировали идео-

⁵ ГАНО. Ф. П-5430. Оп. 1. Д. 21. Л. 14–15.

⁶ Там же. Л. 16.

⁷ Там же. Л. 21.

⁸ Там же. Л. 23.

логическую платформу группы, идущую вразрез с философией диалектического материализма». Наконец, было подчеркнуто, что «имеются отклонения от нормальной семейной жизни и распад семей у пяти сотрудников лаборатории».

В соответствии с этим партийное бюро постановило «осудить создание группы по изучению так называемой “Живой этики”, <...> прекратить деятельность этой группы, стоящей на немарксистских идеалистических позициях». Помимо прочего партийное бюро рекомендовало дирекции института «рассмотреть вопрос о целесообразности продолжения работ, проводимых <...> в лаборатории логико-математических методов обработки геологической информации по парапсихологии и биоволновым процессам, не стоящих в планах научных исследований института...»⁹.

Указанное решение партийного бюро Института геологии и геофизики было рассмотрено и одобрено на заседании бюро Советского райкома КПСС 13 марта 1979 г.¹⁰

Продолжение рассматриваемых событий прослеживается в ряде последующих документов партийного делопроизводства, в частности, в отчетном докладе партийного бюро на отчетно-выборном собрании партийной организации Института геологии и геофизики СО АН СССР 24 октября 1979 г. Помимо повторения ранее прозвучавших обвинений, здесь было сообщено, что руководитель лаборатории № 151 освобожден от этой должности¹¹.

Оценивая контекст событий, следует иметь в виду, что к моменту их разворота научная деятельность А. Н. Дмитриева получала большую поддержку со стороны А. А. Трофимука, а сам он пользовался полным доверием лидера сибирской геологии. Сочувствие и в какой-то мере поддержку со стороны академиков А. А. Трофимука и А. Л. Яншина находили и взгляды Н. К. Рериха.

По этому поводу А. Н. Дмитриев вспоминал: «Еще осенью 1967 г. после ознакомительных бесед с А. Л. Яншиным и А. А. Трофимуком мною было составлено письмо в Ригу в республиканскую библиотеку города с просьбой прислать “полное собрание

томов Агни-Йоги” с целью их научного применения. Письмо ушло за подписью первого заместителя Председателя СО АН СССР акад. А. А. Трофимука. Через две недели в ИГиГ СО АН пришла полная фильмокопия всех 12 томов Агни-Йоги. А еще через месяц я показал фильмокопии отдельных томов А. А. Трофимуку» [Дмитриев, 2004. С. 256].

В таком контексте резкая реакция руководства института на инициативу энтузиастов Агни-Йоги, видимо, определялась прежде всего прагматическими соображениями. Вероятно, главным «криминалом» здесь были не сами по себе неортодоксальные идеи, а нарушение субординации. Действия А. Н. Дмитриева «подставляли» А. А. Трофимука, компрометировали его в глазах властей предрешающих, что, понятно, требовало соответствующих действий.

Разумеется, понимание смысла рассматриваемых событий, их ретроспективное восприятие выглядит по-разному у их участников, находившихся по разную сторону «баррикад». Основной «возмутитель спокойствия», А. Н. Дмитриев вспоминал: «Зарьяное вхождение в это знание (Агни Йоги. – И. К.) я был социально наказан: понижен в должности, зарплате <...>. Был подвергнут соответствующей проработке. И одновременно получил богатый урок, наблюдая коллективное поведение людей в режиме социальной опасности» [Дмитриев, Русанов, 2000. С. 126–127].

О другом взгляде на рассматриваемые события можно судить по устным свидетельствам А. А. Оболенского, беседа автора с которым состоялась в феврале 2006 г. В ходе нее он в полной мере подтвердил все оценки тех лет, в том числе о создании А. Н. Дмитриевым «секты», о чрезмерном влиянии его на своих духовных подопечных. Однако, судя по его свидетельству, события не приняли бы такого острого характера, если бы не появление неоднократно упомянутой «Записки». Как сказал наш собеседник, по нынешним временам «дело не стоило выеденного яйца», однако тогда были иные «правила игры». В связи с этим он высказал предположение, что в тех условиях дело могло принять гораздо худший оборот, если бы соответствующие инстанции в полной мере реализовали обвинение в создании «подпольной религиозной группы». В ходе интервью мой собеседник не раз по-

⁹ ГАНО. Ф. П-5430. Оп. 1. Д. 21. Л. 25–26.

¹⁰ Там же. Ф. П-269. Оп. 18. Д. 3. Л. 35.

¹¹ Там же. Ф. П-5430. Оп. 1. Д. 21. Л. 225.

вторял: «Не понимаю, на что рассчитывал Дмитриев».

Как свидетельствовал названный ветеран, к нему как секретарю институтского партбюро по поводу «Записки» позвонил зам. заведующего отделом науки и высших учебных заведений обкома КПСС и затем «как взмыленный примчался в институт». Вместе они пошли к А. А. Трофимуку, который был крайне поражен и повторял: «Этого не может быть, Алеша не мог так поступить».

По словам А. А. Оболенского, в ходе обсуждения данного вопроса не было стремления к излишнему обострению ситуации. Вместе с другим известным сотрудником института, д-ром геол.-минерал. наук Л. В. Фирсовым, они вели многочасовые беседы с А. Н. Дмитриевым и, в конце концов, как считал ветеран, убедили своего коллегу в неправильности его действий. По его утверждению, в отношениях между ними не осталось какой-то неприязни.

Из числа других «подписантов» наиболее длительное разбирательство выпало на долю члена КПСС Ю. М. Ключникова ввиду его особого упорства в отстаивании своих воззрений. Первое из серии этих мероприятий, заседание партийного бюро Сибирского отделения издательства «Наука», имело место 8 февраля 1979 г. Как и в предшествующем случае, члены партбюро издательства единодушно осудили соавтора «Записки». Помимо указаний на несоответствие ее положений марксизму-ленинизму, приводился еще ряд аргументов. В частности, секретарь партбюро заявил, что «данный факт является проявлением идеологической диверсии со стороны империализма и сионизма – в частности»¹².

В итоге члены партбюро единогласно проголосовали за исключение Ю. М. Ключникова из партии «за нарушение Устава КПСС, выразившееся в отходе от марксизма-ленинизма, за кружковщину и непризнание допущенных ошибок». Вторым пунктом постановления бюро записало: «Предложить дирекции рассмотреть вопрос о возможности использования т. Ключникова на работе в издательстве в должности редактора общественно-политической литературы»¹³. В переводе с бюрократического язы-

ка это означало рекомендацию об увольнении редактора.

Дальнейшее обсуждение персонального дела Ключникова развернулось на партийном собрании издательства 22 февраля того же года. Все его участники активно осуждали своего коллегу за отступления от марксистской идеологии. Кроме того, указывали на серьезные погрешности в его работе в качестве редактора (недисциплинированность, невнимательность при редактировании текстов). В итоге было вынесено два предложения – об исключении из партии и о вынесении строгого выговора с занесением в учетную карточку, однако ни одно из этих решений при голосовании не получило достаточного количества голосов.

Далее в ходе этого мероприятия имела место весьма необычная ситуация: собрание было прервано и члены партбюро удалились на свое заседание. Секретарь партбюро объявил: «Сложилась обстановка такая на собрании, что большинства при голосовании об исключении Ключникова из рядов КПСС, как это решило наше бюро, мы не соберем. Предлагается изменить формулировку решения бюро и объявить т. Ключникову Ю. М. строгий выговор с занесением в учетную карточку за отклонение от требований Программы и Устава КПСС по идеологическим вопросам»¹⁴. После того как четверо из шести членов бюро поддержало этот вариант, партийное собрание было продолжено и утвердило новое предложение партийного бюро.

Возможно, в таком повороте событий сказались и другие факторы. Некоторые основания для этого дает выступление одного из членов парторганизации издательства на последующем партийном собрании 25 октября 1979 г. Он заявил, что его «возмутило» поведение секретаря партбюро на собрании по «делу Ключникова»: «пятнадцать минут он говорил об исключении, потом на него “надавил райком”, и он стал говорить по-другому»¹⁵.

Оценивая правдоподобность такого рода версии, нельзя исключать, что партийные органы не стремились к обострению идеологического конфликта, можно сказать, занимали примиренческую позицию. Как показывает рассматриваемый далее пример

¹² ГАНО. Ф. П-1424. Оп. 1. Д. 26. Л. 113.

¹³ Там же. Л. 115–116.

¹⁴ Там же. Л. 118.

¹⁵ Там же. Л. 61.

И. А. Калинина, в случае «раскаяния» вполне можно было ограничиться относительно мягким наказанием. Помимо прочего, такая позиция партийных органов, видимо, диктовалась нежеланием «выносить сор из избы», создавать у вышестоящих инстанций впечатление о неудовлетворительной идеологической ситуации на подведомственной им территории.

Дальнейший ход событий по «делу Ключникова» выглядел следующим образом. В июне 1980 г. он подал заявление о снятии взыскания. О последующем можно судить по решению бюро Советского райкома КПСС от 23 сентября 1980 г.: «Первичная партийная организация Сибирского отделения издательства “Наука” решением от 21.08.80 г. просила райком партии снять с т. Ключникова Ю. М. строгий выговор с занесением в учетную карточку <...>. Партийная комиссия решила поддержать просьбу партийной организации, но на бюро райкома выяснилось, что т. Ключников Ю. М. до конца правильных выводов не сделал, по отдельным вопросам по-прежнему придерживается идеалистических взглядов, противоречащих принципам марксистско-ленинской философии». В связи с этим бюро райкома постановило: «В просьбе партийной организации о снятии взыскания с т. Ключникова Ю. М. отказать. Указать партийной организации Сибирского отделения издательства “Наука” на формальный подход при рассмотрении персонального дела Ключникова Ю. М.»¹⁶.

Можно предположить, что такой негативный поворот в ходе событий был обусловлен не только поведением Юрия Михайловича на указанном заседании, но и тем, что его, ввиду отсутствия И. А. Лаврова, вел второй секретарь райкома Н. А. Соловых (канд. физ.-мат. наук, выпускник НГУ). По общему мнению, это был довольно догматичный и негибкий руководитель, не раз зарекомендовавший себя таким образом в различных непростых ситуациях.

Прошло еще больше года, и опальный редактор вновь попытался снять с себя партийное взыскание. О том, к чему это привело, можно судить по протоколу заседания бюро Советского райкома КПСС от 1 декабря 1981 г. Там отмечалось: «В связи с тем, что Ключников Ю. М. не сделал для

себя должных выводов, его идейные воззрения остались такими же, в снятии партийного взыскания ему было отказано. Более того, было предложено рассмотреть вопрос на общем собрании о пребывании Ключникова Ю. М. в рядах КПСС, учитывая, что Ключников Ю. М. за время с марта 1979 г., данное ему для обдумывания своего отношения к марксистско-ленинской идеологии, не изменил своих взглядов в отношении теории “Живой этики”, а также философских положений Н. К. Рериха, Е. Блаватской, по-прежнему придерживается идеалистических взглядов, противоречащих принципам марксистско-ленинской философии. Увлечение “Живой этикой” и другими произведениями “восточной мудрости” не могло не сказаться отрицательно на производственной деятельности Ключникова Ю. М. За последнее время т. Ключников Ю. М. стал пренебрежительно относиться к работе <...>. При рассмотрении персонального дела на бюро и партийном собрании т. Ключников Ю. М. вел себя не тактично, грубил и допускал оскорбления в адрес коммунистов <...>. Партийное собрание решило исключить т. Ключникова Ю. М. из членов КПСС»¹⁷.

Бюро райкома утвердило это решение, вскоре после чего Ключников был уволен со своей скромной должности редактора. Однако далее дело приняло неожиданный оборот, что вновь подтверждает ранее высказанное предположение о неоднозначной позиции различных партийных инстанций, их нежелании чрезмерно обострять идеологический конфликт.

Этот энтузиаст «Живой этики» обратился с апелляцией в Новосибирский горком КПСС, которая и была рассмотрена на заседании бюро горкома 11 января 1982 г. В решении данного партийного органа были повторены все ранее высказанные обвинения, в том числе и в «нетактичном поведении». В качестве наиболее нетерпимого примера последнего сообщалось, что Ключников «на вопрос члена бюро Советского райкома КПСС, доктора наук, ныне члена-корреспондента Академии наук СССР т. Накорякова ответил оскорблением, назвал его “научным мракобесом”».

Однако после всех этих обвинений бюро горкома постановило: «Принимая во внима-

¹⁶ ГАНО. Ф. П-269. Оп. 18. Д. 16. Л. 45.

¹⁷ Там же. Оп. 22. Д. 10. Л. 33–34.

ние заявление т. Ключникова Ю. М. на бюро горкома об осуждении своего неправильного поведения и заверения, что он твердо стоит на марксистско-ленинских позициях, а также учитывая его обещание впредь трудиться добросовестно и активно выполнять партийные обязанности, во изменение постановления бюро Советского райкома КПСС от 1 декабря 1981 г. восстановить Ключникова Ю. М. членом КПСС с сентября 1959 г., указав ему на неправильное, не тактичное поведение в партийной организации и на бюро райкома КПСС»¹⁸.

Разумеется, заслуживает особого анализа вопрос о причинах такой «снисходительности» более высокой партийной инстанции в сравнении с непреклонной позицией низовой партийной организации и райкома КПСС. Определенный свет на это проливает интервью, взятое автором данной статьи у И. Ф. Цыплакова, который в рассматриваемый период был одним из секретарей Новосибирского горкома КПСС, – он непосредственно «курировал» Академгородок.

Как вспоминал этот ветеран КПСС, получив материалы рассматриваемого «дело», он затребовал всю имеющуюся литературу по Рериху, получил ее в виде микрофильмов и несколько недель читал с помощью лупы. В результате пришел к выводу, что особого криминала в действиях «инициативной группы» не имеется, – это и определило его позицию на соответствующем заседании бюро горкома.

В принципе такая версия представляется вполне правдоподобной, принимая во внимание человеческие и гражданские качества Ивана Федоровича Цыплакова. Он был хорошо известен в Новосибирске не только как замечательный краевед, автор многих книг по истории нашего города, но и в высшей степени порядочный человек.

В дополнение к этому можно высказать гипотезу, что, наряду с личными факторами, в данной ситуации могли сказаться и некоторые более существенные причины. Одна из них уже отмечалась ранее, – это незаинтересованность партийных инстанций в чрезмерном обострении вопроса, нежелание «выносить сор из избы». Возможно, здесь сказалось и дававшее порой о себе знать

некоторое различие в подходах обкома и горкома: последний в политико-идеологических вопросах иной раз занимал более либеральные позиции, что также вполне объяснимо, поскольку объектом его воздействия было население индустриального мегаполиса, в том числе масса инженерно-технической и научной интеллигенции, по отношению к которой, естественно, необходима была определенная гибкость.

Разумеется, как и в ранее рассмотренном случае, объективная реконструкция исторической ситуации предполагает обращение не только к документам, но и к разнообразным свидетельствам современников. Особый интерес представляет в этом плане интервью, взятое автором статьи у Р. С. Русакова, который в рассматриваемый момент являлся директором Сибирского отделения издательства «Наука». В своем рассказе об этих событиях Роберт Сергеевич прежде всего напомнил, что издательство в то время являлось большим коллективом, включавшим более 100 чел., – только редакторов было 42 чел. Что касается Ю. М. Ключникова, то по словам ветерана, тот показал себя как «человек развитой, с разносторонними интересами». Под его руководством выходила интересная стенная газета. Но он манкировал своими обязанностями, в связи с чем заведующая редакцией общественно-политической литературой Т. М. Назарянц не раз ставила вопрос о его увольнении, на что директор отвечал: «Ну как я его выгнать». По словам Р. С. Русакова, были в Юрии Михайловиче также моменты снобизма, высокомерия, что проявилось, например, в стихотворении, помещенном им в стенгазете, где члены коллектива обвинялись в том, что они, как коровы, жуют траву, в то время как надо смотреть на звезды. Однако все это не выходило за определенные рамки и не приводило к конфликтам в коллективе.

Согласно приведенным свидетельствам, обострение ситуации было обусловлено действиями соответствующих инстанций: все указания по этому делу давались в отделе науки и высших учебных заведений обкома КПСС, куда представители издательства неоднократно вызывались по этому поводу. Ключевую роль в этом играл зам. заведующего названного отдела, который отличался особенно консервативными взглядами и всячески обострял ситуацию.

¹⁸ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 40. Д. 10. Л. 15–17.

Дополнительные свидетельства «другой стороны» были получены в ходе неоднократного интервьюирования Ю. М. Ключникова. В ходе бесед Юрий Михайлович прежде всего подчеркивал, что основным инициатором раздувания рассматриваемой истории был тогдашний секретарь обкома по идеологии М. С. Алферов. Последний даже давил на КГБ, чтобы довести «возмутителей спокойствия» до ареста или помещения в «психушку». По свидетельству тогдашнего начальника «идеологического отдела» областного управления КГБ, партийный деятель ему не раз звонил по этому поводу. Этот работник госбезопасности хорошо знал Ю. М. Ключникова и, убедившись, что в письме нет «антисоветчины», сказал представителю обкома: «Это не по нашей части, а по вашей» (т. е. по идеологической).

По словам Ю. М. Ключникова, в ходе затянувшегося разбирательства он направил в ЦК КПСС ряд писем с разъяснением своей позиции, что лишь дополнительно «подлило масла в огонь». Как он говорит, особое возмущение руководящих товарищей вызвало содержащееся в одном из писем предупреждение, что КПСС в ближайшее время рухнет, если не встанет на предлагаемый путь духовного обновления.

В последней из этой серии бесед, которая состоялась в ходе работы над данной статьей в ноябре 2010 г., Ю. М. Ключников, помимо прочего, рассказал о своих неоднократных попытках встретиться с первым секретарем Новосибирского обкома КПСС А. П. Филатовым. Тогда Юрий Михайлович в очередной раз, записавшись на прием, не удостоился аудиенции, в связи с чем получил следующее разъяснение помощника «областного вождя»: «Вы тут чепухой занимаетесь, а Александр Павлович сейчас занят важным делом – делит мясо между больницами и детскими садами». По словам Ю. М. Ключникова, этот штрих дополнительно убедил его в бесперспективности политики КПСС, поскольку партийные органы такого уровня вместо выработки стратегии занимались хозяйственной рутинной.

Еще один характерный человеческий штрих: по словам Ю. М. Ключникова, в конечном итоге он благодарен своим гонителям, которые по-своему помогли ему начать новую жизнь, развернуть свой духовный потенциал. В противном случае, как он гово-

рит, можно было « всю жизнь остаться серым чиновником»...

В какой-то мере по сходному сценарию проходило также весьма затянувшееся разбирательство персонального дела Ю. Г. Марченко. В феврале 1979 г. на партийном собрании Института истории, филологии и философии СО АН этому младшему научному сотруднику был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку¹⁹. Через год с небольшим, в мае 1980 г., на партийном собрании названного института рассматривался вопрос о снятии этого взыскания. Следует отметить, что к тому времени Юрий Григорьевич был уволен из Института (за « невыполнение плана научной работы») и к моменту собрания не имел официального места работы.

Созданная для рассмотрения этого вопроса комиссия под председательством д-ра филос. наук В. В. Целищева высказалась против снятия выговора. В ходе собрания большинство его участников также были настроены весьма негативно. Из всех участников собрания за снятие взыскания высказался только д-р филос. наук В. И. Бойко, мотивируя это тем, что «у Марченко Ю. Г. нет махрового идеализма, есть заблуждения. Вношу предложение снять партийное взыскание».

Казалось, дело было предрешено, и тут вдруг неожиданно подал голос директор института акад. А. П. Окладников. Он сказал: «Проблема сложная, человеческая, решить ее не просто. Марченко получил свое за невыполнение плана – он не работает в институте. Он мог бы нас обмануть, но он не скрыл колебания, свои сомнения. Он старался решить проблему, марксист ли он? Это делает честь ему как человеку – готовность идти на жертву ради идеи, даже если она неправильна. Поиск в этом направлении не есть зло. В самом процессе размышления о сложности человеческой природы есть много привлекательного. За честное признание ошибок, за порядочность его обвинять нельзя. Я считаю, что лучше не подталкивать человека в пропасть, не обрывать его связи с партией, а помочь ему исправиться. Задача партбюро и парторганизации – способствовать просвещению Ю. Г. Марченко. Нужно дать ему возмож-

¹⁹ ГАНО. Ф. П-5415. Оп. 1. Д. 41. Л. 33.

ность творческой работы в школе, в университете, техникуме и т. д. Хорошо, что комиссия нашла мужество решить вопрос не однозначно. Решается судьба человека и очень важно решить ее правильно». Это выступление мгновенно разрядило сгустившуюся атмосферу: в ходе состоявшегося после этого голосования было принято решение о снятии взыскания (41 голос против 13)²⁰.

Разумеется, весьма интересен вопрос о причинах такого неожиданного демарша академика, по поводу чего среди сотрудников гуманитарных институтов Академгородка циркулируют определенные устные версии. В частности, отмечается, что Алексей Павлович Окладников давно был связан с рериховским движением и, конечно, не мог не понимать, что в рассматриваемом вопросе нет идейного «криминала». Вероятно, на предшествующем этапе его позиция определялась прежде всего прагматическими соображениями, статусом в академической иерархии. В связи с этим высказывается предположение, что на изменение позиции академика могла повлиять состоявшаяся незадолго перед рассмотренным собранием его поездка в Индию, общение с С. Н. Рерихом, более глубокое знакомство с духовным наследием Рерихов.

Вспоминая эти события, Ю. Г. Марченко в беседе с автором статьи основную ответственность за обострение ситуации возложил на партийные органы. По его словам, особую активность здесь проявил секретарь Советского райкома КПСС (ответственный за идеологическую работу), который на одном из заседаний, в частности, сказал, что ни в коем случае нельзя допускать Марченко к работе со студентами. Как вспоминал Юрий Григорьевич, это лишь укрепило его решимость в отстаивании своей позиции. Будучи уволен из академического института, он работал кровельщиком и в то же время – вел «за гроши» семинары в институтах, нередко пряча за спину порезанные на работе руки.

По его утверждению, рассматриваемые события получили определенный международный резонанс: «радиоголоса» передавали, что «в Академгородке готовится идеологический переворот». При этом ход событий

находился под самым пристальным вниманием ЦК КПСС. На партийном собрании в Институте истории, филологии и философии присутствовали два представителя центральных газет, – возможно, на каком-то этапе предполагались «разгромные» публикации в прессе. После данного собрания Юрий Григорьевич, как он вспоминает, стоял в коридоре около «рериховского стенда» и слышал, как А. П. Окладников, провозжая корреспондентов, обращал их внимание на то, что в ходе разбирательства Ю. Г. Марченко откровенно рассказал о своих духовных поисках и сомнениях...

Ценные штрихи в реконструкцию рассматриваемых событий вносят устные свидетельства Л. П. Якимовой, у которой было взято интервью в феврале 2006 г. Как известно, она является известным литературоведом, д-ром филол. наук. В то время Людмила Павловна была членом партийного бюро названного института и ей было поручено возглавить комиссию по «делу» Марченко для доклада на соответствующем партийном собрании. Наша собеседница отметила, что достаточно хорошо помнит рассматриваемые события, хотя никаких документов по этому поводу у нее не имеется. Она подчеркнула, что в целом большинство участников обсуждений с пониманием относились к ситуации, не склонны были обострять ее. Соответствующие санкции предпринимались без какого бы то ни было озлобления, в соответствии с существовавшими «правилами игры»...

Из числа авторов «Записки» И. А. Калинин был единственным, действия которого разбирались за пределами Академгородка – в соответствии с местом его производственной деятельности. Шестого марта 1979 г. бюро Дзержинского райкома КПСС рассмотрело его персональное дело. В его решении по этому поводу, в частности, указывалось: «Подписавшись под данной “Запиской”, Калинин И. А. тем самым заявил об отходе от марксизма-ленинизма, что не совместимо с пребыванием в рядах Коммунистической партии. Поэтому партийная организация треста “Химэлектромонтаж” справедливо исключила его из членов КПСС. Однако после обсуждения поступка Калинина в партийной организации и неоднократных личных бесед с ним коммунистов он написал заявление на имя райкома КПСС, в котором признает идеологические

²⁰ ГАНО. Ф. П-5415. Оп. 1. Д. 42. Л. 64.

отклонения записки от марксизма-ленинизма, а также заявляет, что безотлагательно возьмется за глубокое изучение философских произведений Маркса, Энгельса, Ленина и просит оставить его в партии». В связи с этим бюро райкома решило ограничиться вынесением И. А. Калинину строгого выговора с занесением в учетную карточку²¹.

Таким образом, рассмотренные материалы дают немалую пищу для суждения о идеологических тенденциях и повседневной жизни Новосибирского научного центра в конце «застойного периода». Разумеется, однозначную характеристику рассматриваемых событий дать не просто. Здесь следует иметь в виду целый комплекс факторов, и, прежде всего, ранее отмечавшийся общий социально-политический контекст, связанный с нарастанием в нашем обществе «застойных» тенденций, господством консервативных взглядов и подходов. Естественно, что в таких условиях даже незначительные отступления от общепринятого воспринимались как «покушение на устои». При этом, конечно, необходимо с пониманием относиться к зафиксированным в документах суждениям участников соответствующих мероприятий. Порой они могут оставить впечатление интеллектуальной ограниченности и конформизма. Между тем нельзя забывать, что за исключением коллег И. А. Калинина, здесь фигурируют интеллектуалы Академгородка, которые, разумеется, отличались широким кругозором. Так что зафиксированные суждения, видимо, в немалой степени, отражали существовавшие в то время «правила игры».

Кроме того, возможно, участники обсуждений воспринимали «возмутителей спокойствия» прежде всего не как «идейных борцов», а как людей неуживчивых, амбициозных и т. п. В связи с этим следует иметь в виду две стандартные поведенческие модели, характерные для интеллигенции того времени. Одна из них – последовательные конформисты, другая – «играющие в оппозиционность». Последний тип как раз на материале Академгородка изображен в рассказе Л. П. Якимовой, которая в 1990-е гг. раскрылась не только как ученый-литературовед, но и талантливый писатель. Харак-

теризуя своего «героя», она отмечает важнейшую черту его жизни, в которой «легкое фрондерство было хорошим способом выглядеть значительно» [Якимова, 1994. С. 98].

Анализируя ситуацию, следует подчеркнуть, что негативная реакция на действия «инициативной группы» в существенной мере определялась не только позицией партийно-идеологических структур, но и противостоянием внутри самого рериховского движения. В известной мере отношение к А. Н. Дмитриеву и его единомышленникам в тот момент было наиболее нетерпимым именно со стороны «официальной части» этого движения, что, в свою очередь, влияло на позицию партийных и научных функционеров.

О всей мере этой неприязни в кругу самих последователей Агни Йоги можно, в частности, судить по письмам П. Ф. Беликова. Имя П. Ф. Беликова (1911–1982) как биографа семьи Рерихов, автора многих книг, статей и исследований, хорошо знакомо общественности, занимающейся рериховской тематикой. Как известно, он является соавтором первой в нашей стране биографии Н. К. Рериха, в свое время изданной в популярной серии «ЖЗЛ» [Беликов, Князева, 1972].

Чрезвычайно негативно оценивая «Записку», Павел Федорович в одном из писем, в частности, утверждал: «Составители “меморандума” спекулируют авторитетом Н. К., его патриотизмом и камуфлируют его именем свои занятия тантризмом и различного рода “магией” <...>. Как и всякая безответственная, ман[иа]кальная акция, “меморандум” вызвал не только недоумение, но и самые отрицательные последствия. На местах были проведены собрания, авторам “меморандума” вынесены выговоры...» [Беликов, 2003. С. 257–261].

В заключение следует сказать несколько слов о дальнейшей судьбе героев рассмотренных событий. А. Н. Дмитриев в настоящее время – д-р геол.-минерал. наук, автор большого количества научных и публицистических работ, где остро ставятся проблемы экологии и духовного развития (см., например: [Дмитриев, Русанов, 2000; 2008; Дмитриев, Шитов, 2003; Казначеев и др., 2005]). Особое внимание в них уделяется фундаментальным изменениям в климате нашей планеты, которые, согласно его пре-

²¹ ГАНО. Ф. П-44. Оп. 23. Д. 4. Л. 126.

дупреждениям, могут в ближайшее время изменить коренные условия существования земной цивилизации. По мнению А. Н. Дмитриева, лишь радикальное изменение жизненных ориентиров может дать человечеству шанс на выживание. В связи с этим, развивая свои исходные позиции, сформулированные еще более четверти века назад, он обосновывает несостоятельность потребительской, рыночной системы и говорит о социализме как единственно возможном пути для землян.

Ю. М. Ключников после увольнения из издательства «Наука» работал грузчиком и такелажником на новосибирских заводах. В настоящее время получил известность как поэт и публицист, его произведения неоднократно публиковались в виде сборников и статей в центральных журналах (см., например: [2000; 2004; 2005; 2007; 2009]). Более десяти лет Юрий Михайлович возглавляет ежегодные экспедиции духовных искателей на Горный Алтай, к горе Белухе, и в Индию – к Гималаям. Он является руководителем Духовного центра им. Преподобного Сергия Радонежского и Русского клуба в Новосибирске.

Ю. Г. Марченко принял активное участие в одном из первых заметных общественных движений кануна и начала «перестройки» – «трезвенническом». Им был опубликован ряд вызвавших заметный резонанс работ, где намечались ориентиры духовного обновления Россия, – прежде всего на путях Православия (см., например: [Марченко, 1990; Марченко и др., 1990]). В настоящее время – доктор наук по специальности «Культурология».

И. А. Калинин известен в кругах рериховского движения как большой знаток «Живой этики», комментатор философских трудов Н. К. Рериха (см., например: [1999]).

Подводя итоги, следует еще раз попытаться взглянуть на рассматриваемые, относительно локальные события, в более широком контексте. Речь идет о наличии в нашем обществе в то время определенных реформистских сил, попыток найти выход из нарастающего кризиса на пути внутреннего обновления Системы. В связи с этим можно напомнить, что в условиях преобладания в тот период консервативных тенденций некоторые руководящие деятели страны, например А. Н. Косыгин, все же пытались в

какой-то мере продолжить прогрессивные реформы, решать назревшие проблемы, не допустить полного застоя.

* * *

Видимо, эта линия находила наиболее ощутимую поддержку со стороны части научной элиты, и здесь немалая роль принадлежала Сибирскому отделению Академии наук. Не исключено, что в период «застоя» эта авторитетная структура являлась важнейшим генератором определенных реформаторских инициатив (разумеется, весьма умеренных и осторожных). При этом сами лидеры «Сибирской академии», возможно, и не рассматривали свои предложения в качестве альтернативы официальному курсу. Борьба за научно-технический прогресс, за решение экологических проблем, за опережающее развитие Сибири, – все это мыслилось как «реализация политики КПСС». Однако поскольку реальные действия правящих кругов все более шли вразрез с этими ориентирами, то патриотически настроенные представители научной элиты в какой-то мере оказывались в роли оппонентов этой политики, своего рода «реформаторов поневоле».

Некоторые из деятелей такого рода, похоже, особенно не задумывались о широком общественном контексте своих инициатив и были абсолютно лояльны по отношению к существующей системе. К этому ряду, вероятно, правомерно отнести акад. А. А. Трофимука, весьма ортодоксального по своим убеждениям, которому, однако, волей судеб приходилось идти на резкие конфликты с могущественными силами в ходе борьбы за спасение Байкала и за развитие нефтегазодобывающей отрасли. Другой вариант здесь представлял акад. А. Л. Яншин, «главный эколог России», у которого смелая гражданская позиция сочеталась с оригинальным мировоззрением, поддержкой идей В. И. Вернадского и Н. К. Рериха.

С этой точки зрения рассмотренную инициативу сибирских энтузиастов «Живой этики» правомерно рассматривать в данном – более широком контексте реформистских поисков. Поскольку в тот период реформистский потенциал правящей партии оказался слишком слабым, это привело к торжеству консервативных тенденций, а затем к выдвиганию на первый план деструк-

тивных сил и в итоге – к разрушению не только существовавшей общественной системы, но и страны.

Проблемы же, поставленные в Академгородке в конце эпохи «застоя», неправомерно рассматривать лишь как достояние истории. Напротив, за прошедшие десятилетия их злободневность только усилилась. В настоящее время, как известно, сохраняется опасность дальнейшей духовной деградации страны, а также превращения ее в сырьевой придаток и в экологическую «свалку».

Новое измерение приобретает и проблема свободы научного творчества, – при этом речь идет не только о зависимости ученых от «денежного мешка». Не секрет, что кое-кто под предлогом борьбы со «лженаукой» не прочь ограничить научные дискуссии, монополизировать истину, вновь утвердить «единственно правильное учение». С этой точки зрения, рассмотренные идейные коллизии в новосибирском Академгородке являются не только значимыми фактами истории, но и имеют определенные нити преемственности с современностью.

Список литературы

- Академик Александр Леонидович Яншин.* Воспоминания. Материалы: В 2 кн. М., 2005. Кн. 1.
- Аникина О. Е.* Под небом Уймона. Очерки истории строительства музея Н. К. Рериха. Новосибирск, 2002.
- Артемьев Е. Т.* Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг. Новосибирск, 1990.
- Беликов П. Ф., Князева В. П.* Рерих. М., 1972.
- Беликов П. Ф.* Непрерывное восхождение. М., 2003. Т. 2, ч. 2.
- Беляев И.* Тоша: русский Будда. Повесть. Основана на реальных событиях. СПб., 2002.
- Борзенков А. Г.* Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России (1961–1991 гг.). Новосибирск, 2002. Ч. 1–3.
- Варенников В.* Правда о ГКЧП – в деле суда // *Завтра*. 2006. Сентябрь. № 38.
- Водичев Е. Г.* Путь на восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири. Новосибирск, 1994.
- Городок. Ру.* Новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия: Воспоминания, размышления, проекты. Новосибирск, 2003.
- Дмитриев А. Н.* Александр Леонидович Яншин в сценарии социального «апокрифа» // *Ваш А. Яншин*. Новосибирск, 2004.
- Дмитриев А. Н., Русанов А. В.* Крест бытия. Томск; Новосибирск, 2000.
- Дмитриев А. Н., Русанов А. В.* Земля: трагедия жизни и воли. Новосибирск, 2008.
- Дмитриев А. Н., Шитов А. В.* Техногенное воздействие на природные процессы Земли. Проблемы глобальной экологии. Новосибирск, 2003.
- Дорошенко В., Коршевер И., Матизен В.* Новосибирский научный центр: есть ли стратегическая альтернатива? // *Отечественные записки*. 2002. № 7. С. 259–272.
- Историческая энциклопедия Сибири.* Новосибирск, 2009.
- Казначеев В. П., Дмитриев А. Н., Мингазов И. Ф.* Проблемы космоосферной футурологии. Новосибирск, 2005.
- Калинин И. А.* О суфизме. Новосибирск, 1999.
- Ключников Ю. М.* Белый остров. М., 2000.
- Ключников Ю. М.* Поэт и Фея: эзотерическая сказка о странствиях души в видимых, а также невидимых мирах. М., 2004.
- Ключников Ю. М.* Лики. Новосибирск, 2005. Кн. 2: Письма из Гималаев.
- Ключников Ю. М.* Иисусова молитва: опыт немонашеской исихастской практики // *Наука и религия*. 2007. № 2. С. 26–29.
- Ключников Ю. М.* Я в Индии искал Россию: странствия по Ариаварте. М., 2009.
- Кузнецов И. С.* «Живая этика» и власть: эпизод общественно-политической жизни новосибирского Академгородка конца «застоя» // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2003. Т. 2, вып. 3: История. С. 140–151.
- Кузнецов И. С.* Инакомыслие в новосибирском Академгородке: «Дело инициативной группы». Документальное издание. Новосибирск, 2006.
- Куперштох Н. А.* Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск, 1999.
- Куперштох Н. А.* Академик С. А. Христианович и его роль в создании Сибирского отделения АН СССР // *Советская регио-*

нальная культурная политика: проблемы изучения: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2004.

Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.

Марченко Ю. Г. Культ света. Новосибирск, 1990.

Марченко Ю. Г., Матвеев П. В., Насыров А. Н., Загоруйко Н. Г. Стратегия отрезвления. Новосибирск, 1990.

Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007.

Якимова Л. П. Жизнь по Карнеги. Рассказ // Сибирские огни. 1994. № 1–2.

Янин А. Л., Мелуа А. И. Уроки экологических просчетов, М., 1991.

Josepson P. R. New Atlantis Revisited. Akademgorodok, the Siberian Citi of Science. Princeton, New Jersey, 1997.

Материал поступил в редколлегию 25.09.2010

I. S. Kuznetsov

**NOVOSIBIRSK'S AKADEMGORODOK
IN THE CONTEXT OF IDEOLOGICAL CONFLICT:
THE CASE «INITIATIVE GROUP» (1979)**

The paper is devoted significant episode of social and political life of Akademgorodok's late 1970 – early 1980's. Considers the events following the appearance of the note which was sent to the party bodies group of supporters of Nicholas Roerich's ideas. Observed response to this initiative from the scientific community and various official bodies.

Keywords: Novosibirsk's Akademgorodok, N. K. Roerich, «living ethics», «initiative group», party organs.